

ния, которыми снабдил издаваемый им материал Хейс, увеличили его значение. Особое значение книги Хейса состоит в том, что она представляет собой первый случай монографического издания остраконов, связанных с одной гробницей¹. Благодаря этому, например, имеется возможность,—и на это указывает сам Хейс,—проследить ход работ по устройству могилы, выявить некоторые стороны организации труда занятых в ней ремесленников, проследить различные этапы творчества художников, расписывавших стены гробницы, и др.

Однако, правильно отметив некоторые из тех вопросов, которые выдвигают опубликованные материалы², Хейс уклонился от их разрешения. Возможно, конечно, что часть из них будет разрешена в подготавливаемом Метрополитэнским музеем издании самой гробницы, о предстоящем выходе которого сообщает Хейс (там, в частности, будут сопоставлены наброски росписей с теми, которые были затем выполнены в самой гробнице). Пока же книга Хейса является собранием интересного материала, ждущего своего полноценного исследования.

И. Лурье

H. MICHELL. The economics of ancient Greece. Cambridge. At the University Press, 1940, XII+415 стр.

Книга Мичелла, профессора политической экономии в одном из канадских университетов, имеет целью дать общий обзор экономического развития греческого мира в классическую эпоху. Мичелл анализирует в основном хозяйственную жизнь собственно Греции, прежде всего Аттики, в период расцвета полисов—вплоть до Александра Македонского.

«Экономика древней Греции» не является оригинальным исследованием. Автор, повидимому, хотел написать научно-популярное введение в историю хозяйственного развития Греции, используя последние достижения буржуазной историографии античности. Труд его состоит из следующих девяти глав, каждая из которых является фактически почти самостоятельным очерком: «Основа греческой экономики», «Земледелие», «Горное дело и минералы», «Труд», «Промышленность», «Торговля» (две главы), «Деньги и банки», «Финансы». Избранная библиография (стр. 394—398) доведена до 1938 г. В конце книги дан довольно подробный указатель. В каждой главе перечислены основные, не решенные еще в современной науке вопросы, дано изложение различных точек зрения на спорные проблемы. В частности, очень много места уделено разбору теории Газебрэка (стр. 224—230), менее обстоятельно критикуется «истмийская» теория торговых путей Берара и др. В примечаниях даны краткие ссылки на источники и современную историографию по отдельным вопросам.

В книге Мичелла читатель найдет почти исчерпывающую сводку материалов по отдельным видам хозяйственной деятельности древних греков. Так, в главе «О с н о в ы г р е ч е с к о й э к о н о м и к и» затрагиваются следующие вопросы: «Географический фактор», «Экономическая жизнь Греции», «Население» и «Экономические учения греков».

В главе «З е м л е д е л и е» излагаются: «Аграрный вопрос», «Хлебопашеские территории», «Урожай зерновых культур», «Изучение почвы», «Применение удобре-

¹ Конечно, и раньше при издании остраконов указывалось место, где они были найдены, но у исследователя их никогда не было уверенности, что ему известны все остраконы, которые были найдены в той или иной гробнице.

² Совершенно не затрагивает автор, например, вопроса о том, почему имена ремесленников, работавших в гробнице Сенмута, не встречаются на остраконах, найденных в других одновременных гробницах; чем вызвана столь большая популярность поучения Аменемхета и для чего писались отрывки из него на остраконах, найденных в гробнице Сенмута, и др.

ний», «Сев», «Лен», «Животноводство», «Рогатый скот», «Лошади», «Овцы», «Свины», «Ослы и мулы», «Козы», «Пчеловодство», «Птицеводство», «Оливки», «Фиги», «Виноградники», «Вырубание лесов», «Продуктивность греческого земледелия», «Земледелие после Пелопоннесской войны» и «Рабский труд в земледелии».

В главе «Горное дело и минералы» мы находим следующие подразделения: «Золото», «Серебро», «Лаврийский район», «Сдача рудников в аренду», «Труд в горной промышленности», «Предложение Ксенофонта», «Горное законодательство», «Медь», «Асфальт», «Асбест», «Олово», «Цинк», «Ртуть», «Железо», «Уголь» и «Соль».

В главе «Труд» разбираются темы: «Гражданин», «Труд в строительной промышленности», «Заработная плата», «Стоимость жизни», «Женский труд», «Обучение ремеслу», «Торговые гильдии», «Государство и труд», «Метеки», «Рабы», «Окупалось ли рабство».

В главе «Промышленность» Мичелл рассматривает отдельные отрасли производства: «Дубление кож», «Гончарное дело», «Прядение и ткачество», «Полотно и шелк», «Швейная промышленность», «Красильное дело», «Виноделие», «Оливковое масло», «Пищевая промышленность», «Стеллярное дело и обработка дерева», «Кораблестроение», «Строительство», «Обработка металла».

В главах о торговле рассматривается сначала торговля в историческом развитии, а затем отдельные ее отрасли: «Торговля в Гомеровское время», «Объекты торговли в Гомеровское время», «Греческая колонизация», «Греческая колонизация и торговля», «Объем и характер греческой торговли», «Греческие торговцы», «Греческая торговля после Персидских войн», «Эгина, Коринф, Навкратиды», «Милет», «Торговые пути», «Истмийская теория», «Сухопутный транспорт», «Транзитный порт—Афины», «Сборы с торговли», «Торговля хлебом», «Афины и торговля хлебом», «Клеомен и торговля хлебом», «Торговля лесом». После краткого обзора менее значительных отраслей торговли Мичелл останавливается на торговле керамикой и затем переходит к торговым взаимоотношениям между греками и финикийцами, обсуждая следующие темы: «Ранние финикийские торговцы», «Конкуренция между греками и финикийцами», «Карфаген», «Греки, карфагеняне, римляне», и, наконец, указывает на значение пиратства.

В главе «Деньги и банки» рассматривается следующий круг вопросов: «Развитие монетарных форм», «Появление монеты в Греции», «Спартанская денежная система», «Греческий монометаллизм», «Соотношение металлов в монетах», «Ухудшение качества монет», «Банковое дело», «Банковое дело в Афинах», «Обмен монет», «Корабельные займы», «Существовал ли Государственный банк в Афинах».

В последней главе «Общественные финансы» Мичелл останавливается на следующих вопросах: «Афинские общественные финансы, бюджет», «Откупы», «Гражданские службы в Афинах», «Расходы государства», «Внутренняя администрация», «Общественные работы», «Расходы государства на граждан», «Оплаты за общественные службы», «Фонд феорий», «Сумма регулярных расходов», «Регулярные внутренние доходы», «Доходы от судопроизводства», «Прямые налоги», «Литургии», «Триерархия», «Эйсфора», «Косвенные налоги», «Дань союзников», «Сумма доходов города», «Заключение».

Такая подробная рубрикация придает изложению стройность и ясность; ссылки на литературу и источники могут быть полезны даже специалисту.

Мичелл не ограничивается простым описанием явлений и сводкой существующих в науке мнений, но пытается вскрыть основные причины развития и последующего упадка экономики античной Греции. И здесь мы наблюдаем столь характерное для современной буржуазной историографии явление: как только Мичелл отрывается от описания фактов, тотчас же у него проявляется непонимание основных законов исторического развития и качественного своеобразия античной рабовладельческой формации.

Мичелл начинает изложение своих взглядов с утверждения, что объяснить прошлое столь же трудно, или даже невозможно, как предвидеть будущее. «Мы можем,—говорит

он,—только отмечать события и с некоторой уверенностью определять обстоятельства, вызвавшие их к жизни, но не в состоянии сделать ничего больше» (стр. 1). Противопоставляя греческое искусство, философию и поэзию греческой политике, социальной системе и экономике, Мичелл подчеркивает, что мы можем приблизиться к вечным творениям греческого духа, но не в состоянии полностью понять характер столь далекой от нас эпохи. Таким образом, Мичелл заранее уже предполагает невозможность определения законов, управляющих экономическим развитием древнего мира, и сводит задачу историков к голому описательству, к фактологии. Как же быть в таком случае с вопросом, который поставил сам Мичелл,—вопросом о причинах падения древней Греции? Из идеологического тупика, в который завела его неокантианская точка зрения на теорию исторического познания, он видит только один выход: отбросив в сторону правильную мысль о качественном различии античности и современности, перенести, по обыкновению буржуазных историков, категории, присущие капитализму и даже империализму, на античность. Так, например, он говорит: «Доктрина тоталитарного государства является возвращением к греческой концепции» (стр. 26, прим. 1). Мичелл, говоря об *anachoreseis* в птоломеевском Египте, называет их даже итальянскими забастовками («sit-down strikes»).

В этой же плоскости Мичелл пытается решить и основную проблему, поставленную им в данной книге: Основной причиной падения древнегреческой демократии он считает не внутренние противоречия рабовладельческой формации, а финансовые трудности, именно чрезвычайные расходы полисов на социальное обеспечение. «Для граждан (полисов.—*Я. Л.*) было в высшей степени привлекательным присутствовать на прекрасных зрелищах и интересно сидеть в театре или на судебных заседаниях, да к тому же и получать оплату за это сидение. Но, в конце концов, это и привело к разорению» (стр. 19).

В этом отношении Мичелл не является оригинальным. Он и сам признается в родстве с Андреадисом, автором книги «История греческого народного хозяйства» (книга вышла в 1922 г.—есть немецкий и английский переводы 1929 и 1933 гг.). «Андреадис считает,—и многое можно сказать в защиту его точки зрения,—что греческая система государственных финансов была столь порочной по существу (*so radically unsound*), что ее политические учреждения были осуждены на неминуемую гибель. Именно они породили застой и вызвали болезнь государства, которая развратила всю общественную жизнь... Греческая демократия была неспособной решить задачу управления и сама себя разрушила своей внутренней слабостью» (стр. 36—37).

В принципиальном для оценки античности вопросе о роли рабства Мичелл выступает против цитируемого им же Тарна, который вполне правильно подчеркивал, что рабство было спинным хребтом античности и что вся «греческая цивилизация опиралась на рабство и стала возможной только благодаря рабству»¹. Мичелл, всячески преуменьшает значение рабства в древности и заявляет, что разговоры о пагубной роли рабства являются «общим местом» и «трюизмом». «Мы,—пишет он,—не можем приписать падение Греции только рабству» (стр. 168).

О том, сколь тенденциозна теория Мичелла, пожалуй, лучше всего свидетельствуют его мечты о сильной власти. «Несомненно, можно было бы избежать многих ошибок, если бы имелось (в древней Греции.—*Я. Л.*) сильное руководство» (стр. 19). Как будто бы эллинистический Египет или Македония пали вследствие отсутствия сильного руководства!

Таковы общие идеологические установки Мичелла. Справедливости ради необходимо отметить, что работа Мичелла, наряду с положительными отзывами, получила даже в англо-американской литературе довольно критический прием². Критики Мичелла указывают прежде всего на явное преувеличение значения финансовых трудностей,

¹ W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, стр. 33.

² См., например, рецензию Линда в «*The Classical Journal*», vol. XXXVIII, Novem. ber 1942, стр. 102—104.

как основной причины падения Афинского государства, на «некорректное (unfair) сравнение» современного тоталитаризма с греческим, на ошибочность противопоставления государства и личности в древней Греции и на необоснованность ряда аналогий между учреждениями древней Греции и современности.

Все же некоторые главы книги Мичелла читаются с интересом. Это касается прежде всего глав о земледелии и финансах. Первая из них написана легко и со знанием дела, в частности, разделы о земельных отношениях, геологическом строении почвы, использовании удобрений и подробный обзор состояния скотоводства по отдельным отраслям (стр. 59—73). Особенно интересны, хотя иногда и вызывают сомнения, подсчеты численности населения и урожая во всей Греции (стр. 20—21 и 50—52).

Заключительная глава «Финансы» дает сводный обзор имеющихся данных и бюджета Афин в V—IV вв. до н. э. на основании исследований Бэка и Андреадиса.

Я. А. Ленцман

THE OXYRHYNCHUS PAPYRI. Part. XVIII, edited with translation and notes by E. Lobel, C. H. Roberts and E. P. Wegener. With a portrait and 14 plates, London, 1941, VII (общий руководитель серии «Graeco-Roman Memoirs» Н. J. Bell снабдил книгу предисловием.—С. Л.)

Вышедший в 1941 г. XVIII том «Оксиринхских папирусов»—один из наиболее интересных томов этого собрания. В этот том вошли и отрывки из литературных произведений, и отрывки из деловых документов римского и византийского времени. Не будучи специалистом в правовых отношениях римско-византийского времени, я коснусь здесь преимущественно папирусов первой группы.

Оба знаменитых издателя «Оксиринхских папирусов» Гренфелль и Хант в настоящее время в могиле (к книге приложен портрет Ханта). Издание литературных папирусов (исключая лишь № 217, о котором мы скажем особо ниже) было поручено Э. Лобелю, известному своим изданием отрывков Алкея и Сапфо. При этом он пользовался консультацией Марри, Фрэнкеля, Пфейффера и Доддса. В связи с этим очень резко изменился весь характер издания. Гренфелль и Хант (при постоянной помощи Виламовица-Меллендорфа) вносили свои дополнения во всех тех случаях, где общий смысл не возбуждал сомнения, прекрасно отдавая себе отчет в провизорном характере своих дополнений, т. е. в том, что в будущем они могут быть заменены другими, лучшими, дополнениями. В соответствии с этим и дополненным таким способом отрывкам присоединялся и английский перевод, также, разумеется, носивший провизорный характер. Принцип, положенный Лобелем уже раньше в основание своего издания Алкея и Сапфо, а теперь в основание издания литературных текстов XVIII тома «Оксиринхских папирусов», совершенно иной: он дополняет лишь отдельные слова в тех случаях, когда это дополнение совершенно очевидно и несомненно, и только в редких несомненных случаях дает перевод; в основном же он довольствуется точной расшифровкой дошедших отрывков с тщательным описанием формы начертания каждой сколько-нибудь сомнительной буквы, пояднейших исправлений на папирусе и т. д.

Вот что пишет сам Лобель в письме, адресованном Бэду (приведено последним в его предисловии на стр. VI): «При издании «Новых классических текстов» необходимо отметить следующие отступления от практики предыдущих томов. Значительно уменьшен объем вступлений и комментариев. Никакого перевода целых текстов не дается. С другой стороны, apparatus criticus особенно тщательно разработан с целью дать возможность читателю проявить максимум осторожности в определении сомнительных букв, и каждый публикуемый фрагмент дается также в фотографическом изображении: на одной из 12 таблиц (в конце тома). Эти нововведения частью обусловлены ограниченной компетентностью издателя, частью самими задачами editio princeps папируса».